

новизна книги несомненна, тем более что в отечественной историографии избранная автором тема ни разу не становилась объектом специального и столь тщательного исследования. Хочется надеяться, что монография А.Н. Ермолаева послужит пожеланиям историков, исследующим прошлое Сибири и Русской Америки.

А.В. Гринёв

Примечания

¹ Окунь С.Б. Российско-американская компания. М., Л., 1939; История Русской Америки (1732–1767). Т. 2. Деятельность Российско-американской компании (1799–1825) / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1999.

² Петров А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежных рынках (1799–1867). М., 2006.

³ Невский В.В. Первое путешествие россиян вокруг света. М., 1951; Chevigny H. Russian America. The Great Alaskan Venture. 1741–1867. L., 1965; Engstrom A., Engstrom E. Alexander Baranov and Pacific Empire. Juneau, 2004.

⁴ Александров В.А. Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в. // Исторические записки. 1962. Т. 71. С. 170–178; Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967; Сасфонов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1980.

⁵ Гринёв А.В. Кто есть кто в истории Русской Америки. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2009.

Г.Н. Бибииков. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 424 с.

Как отмечает во введении к своей книге Г.Н. Бибииков, для либеральной русской интеллигенции имя Александра Христофоровича Бенкендорфа стало нарицательным ещё в начале XX в.: он символизировал и олицетворял собой негативную сторону николаевской России, его считали воплощением типа бездушного жандарма, гонителем и почти что убийцей Пушкина и Лермонтова, душителем свободы и прогресса. В советской историографии Бенкендорф представлял олицетворением полицейской сути самодержавия. Этот историографический миф лишь недавно был подвергнут ревизии. Свежие исследования и привлечённые их авторами новые источники позволяют говорить о Бенкендорфе уже не как о символической фигуре, но как о крупной исторической личности, о заслуженном военном и государственном деятеле. И книга Г.Н. Бибиикова внесла существенный вклад в переосмысление его образа.

Автор монографии достаточно детально, но компактно излагает биографию Бенкендорфа, избегая соблазна чересчур увлечься красочными, эффектными сюжетами, которыми изобиловала его жизнь. Бибииков сумел равномерно осветить разные периоды жизни своего героя, ко-

торую разделяет на два основных этапа: до и после сближения с вел. кн. Николаем Павловичем и превращения затем в одного из ближайших помощников Николая I. Характеризуя историю жизни и карьеры Бенкендорфа до этого переломного момента, Бибииков прослеживает формирование его личности, обращает внимание на то, какой опыт он приобретал в тех или иных обстоятельствах, насколько мог расширить свой кругозор, как завязывались и развивались его отношения с видными деятелями Александровского и николаевского царствований. Так, отправившись в свите генерала Г.-М. Спренгпортена в поездку по России, молодой светский повеса воочию знакомится с огромной империей, а обозревая Кавказскую линию, впервые оказался под пулями. Тренируя на Корфу албанских повстанцев, он сталкивался с реалиями партизанской войны, с хитросплетениями большой международной политики и разведки. С молодости Бенкендорф наблюдал жизнь различных европейских дворов. Сопровождая графа П.А. Толстого, Александр Христофорович окупался в армейские генеральские интриги, а затем в Париже приобрёл опыт военно-политического шпионажа. С началом Отечественной войны 1812 г. он про-

явил себя храбрым и предприимчивым боевым генералом, а в мирное время, командуя дивизией в глубокой провинции, преследовал злоупотребления местных чиновников, после чего руководил штабом Гвардейского корпуса, расследовал обстоятельства «Семёновской истории», создал в гвардии род тайной полиции, наконец, участвовал в следствии над декабристами. Всё это, вкупе с приобретением друзей и недоброжелателей, готовило Бенкендорфа к той роли, которая досталась ему при Николае I. Не случайно о пользе хорошо организованной политической полиции он задумался, судя по его запискам Александру I, ещё в наполеоновской Франции.

Для того, чтобы разобраться в государственной деятельности Бенкендорфа, Бибилов обстоятельно описывает, как были устроены III отделение собственной е.и.в. канцелярии, корпус жандармов, вносящий существенный вклад в историографию этих учреждений. Анализировать действия сановника именно как руководителя ведомства – довольно сложная задача. Автору необходимо учитывать особенности его личности и частной жизни (пристрастия, антипатии, жизненный опыт, даже зачастую состояние здоровья), специфику государственных институтов, исторический контекст, причём так, чтобы одно не подавляло другое. Бибилову удалось найти нужный баланс и создать полноценную политическую биографию Бенкендорфа. Книга Бибилова фундаментальна, фактографична, точна, спокойна, лишена декларативности и отличается вниманием к деталям и нюансам. Излагая историю создания III отделения и формирования жандармского корпуса, исследователь указывает на направляющую волю Бенкендорфа в определении их задач и подборе людей, выявляет, как он управлял, какими соображениями руководствовался в своих решениях, каковы были его возможности, как взаимодействовали император и его близкий друг и помощник. При этом работа подведомственных Бенкендорфу служб рассматривается не только на основании первоначальных замыслов и записок, но и с учётом их последующей многолетней практики, вписанной в рамки внутренней политики Николая I. «Архитектура» тай-

ной полиции была несколько нестройной и путаной (но не громоздкой), и жила на доверии царя к Бенкендорфу и wybranым им людям. Сложилась она не сразу в 1826 г., но постепенно дополнялась и корректировалась. III отделение, как известно, занималось надзором за подозрительными лицами, наблюдением за состоянием умов и общественным мнением (в центре внимания находилось преимущественно дворянство и чиновничество, настроения купцов и крестьян почти не учитывались), выявляло злоупотребления чиновников, нарушения при рекрутских наборах и выборах в дворянских собраниях, собирало сведения о различных изобретениях и технических усовершенствованиях, искало фальшивомонетчиков, следило за сектантами и иностранцами (контролировало их въезд, а то и высылку, исполняя функции не институциональной ещё контрразведки) и интересовалось «всеми вообще происшествиями в государстве», т.е. вело статистику чрезвычайных происшествий, эпидемий, пожаров, убийств и волнений. Между тем штат III отделения в начале его существования насчитывал... 16 человек, к 1841 г. он «разросся» до 27, а после передачи в ведение III отделения ещё и театральной цензуры дошёл до 30 чиновников. Это само по себе заставляет усомниться в расхожем представлении о России Николая I как о полицейском государстве с тотальной слежкой. Конечно, у III отделения были и секретные агенты (имена и численность которых до сих пор неизвестны), суммы же, предназначенные «для секретных расходов» воображения не поражают.

Был ещё Корпус жандармов, прямо не подчинявшийся III Отделению, но связанный с ним через общего начальника. Жандармские команды, распределённые по провинциальным городам, местной власти не подчинялись, но должны были с нею взаимодействовать, в том числе и для усиления слабой общей полиции. Они являлись той вооружённой силой, которая могла быть использована для наведения порядка и охраняла его в местах массового скопления народа (ярмарки, театральные представления). При этом, как пишет Бибилов, «общая численность жандармских чинов в пропорции к чис-

ленности населения в Российской империи была в несколько раз меньше, чем в государствах Западной Европы»: «К середине XIX в. в России она составляла примерно 10 жандармов на 100 тысяч человек» (с. 188).

Европейская территория империи делилась, по первоначальному проекту, на 5 жандармских округов (потом их стало 8, о том, что жандармы нужны также и за Уралом, задумались несколько позже), округа – на отделения, включавшие до трёх губерний. В каждом из 26 отделений учреждалось жандармское управление, включавшее четырёх человек: двух офицеров – начальника отделения и его адъютанта, и двух писарей. Всего по штату 1826–1827 гг. в Корпусе жандармов служили 4 278 человек, в том числе 3 генерала и 201 офицер (с. 151). В 1829 г., проанализировав мнения жандармских штаб-офицеров, которых обязали сообщать в Петербург свои соображения о порядке работы, Бенкендорф и Николай I решили, что отделения нужны в каждой губернии, ибо жандармский офицер имеет возможность реально наблюдать только за той губернией, где живёт. Были созданы 29 штаб-офицерских должностей, однако замещение этих вакансий растянулось на несколько лет, поскольку Бенкендорф лично отбирал каждого, и при отсутствии подходящего кандидата предпочитал вовсе никого не назначать. Император поддерживал такую кадровую политику, и это лишний раз свидетельствовало о том, что вся деятельность тайной полиции зиждилась тогда на личном доверии монарха к Бенкендорфу и его подчинённым.

Главная задача жандармских штаб-офицеров состояла в информировании петербургского начальства о том, что творится в губерниях. Это был важнейший инструмент «обратной связи», так как внимание их было сосредоточено не столько на поисках заговоров и антиправительственных настроений, сколько на случаях чиновничьих злоупотреблений, беззакония, взяточничества.

Александр Христовичу предлагали иметь в губерниях не жандармских офицеров, а просто сеть тайных агентов. Он отказался от этого, считая, что для

такого дела нужны люди умные и честные, заслуживающие доверия, тогда как порядочный человек, желающий быть полезным Отечеству, не пойдёт в секретные осведомители, и согласится на такую службу только в том случае, если сделать его положение гласным и одеть его в мундир (цвет для него нарочно выбрали заметный и отличный от прочих, васильково-голубой). По изначальному замыслу Бенкендорфа, жандармские офицеры были лишены каких-либо исполнительных функций, они не имели даже права делать письменные запросы в губернские учреждения и тем более не имели возможности самостоятельно производить аресты, не располагая для этого необходимыми средствами, и могли лишь информировать своего шефа и соответствующего губернатора о замеченных злоупотреблениях. Находясь в губернии, вращаясь в местном обществе и стараясь заслужить в нём хорошую репутацию и популярность (на чём Бенкендорф особенно настаивал), им следовало изучать его, быть в курсе всех слухов и сплетен, знать, кто есть кто. Раз в полгода жандармский штаб-офицер должен был подавать аналитическую записку о положении дел и происшествиях в губернии. Бенкендорф передавал эти сведения заинтересованным ведомствам или самому императору, и они учитывались при назначениях и перестановках. Позднее, когда губернаторы предлагали расширить власть жандармских управлений, Бенкендорф отвечал категорическим отказом, опасаясь, что в таком случае жандармы окажутся втянуты в деятельность и интриги местных чиновников, а именно этого он и стремился избежать, предпочитая иметь отстранённых, и по возможности беспристрастных наблюдателей. А ведь не часто руководители ведомств отказывались от расширения своих полномочий. Впрочем, это далеко не единственный пример нетривильности решений и поступков А.Х. Бенкендорфа.

Некоторые его шаги выглядели экстравагантно, но они приносили успех. В частности, по инициативе Бенкендорфа в годы непрерывной войны на Кавказе был сформирован императорский конвой из горцев, одетых и вооружённых на национальный манер. Особенно сильное

впечатление своей азиатской экзотичностью они производили на иностранцев. При этом для конвоя его величества намеренно отбирали представителей «немирных» племён и враждебно настроенных авторитетных родов и тейпов. Бенкендорф ожидал, что, прижившись в Петербурге, они привыкнут к европеизированному укладу, завяжут личные контакты и по возвращении домой станут проводниками русского влияния. Возможно, эти расчёты и не вполне оправдались, но и проблем с горским конвоем не возникало.

Отдельную главу Бибилов посвящает практике службы жандармов и III отделения при Бенкендорфе, рассмотрев все её направления от цензуры и надзора за иностранцами до противодействия западной пропаганде. Как пишет автор, Николай I считал ниже своего достоинства реагировать на выпады европейской прессы, Бенкендорф же, напротив, настаивал на необходимости контрпропаганды и тайно субсидировал несколько европейских журналистов. Остаётся только пожелать, чтобы исследование деятельности Бенкендорфа на посту главы тайной полиции было продолжено. При этом следовало бы шире использовать огромный массив дел производства III отделения. При всей трудоёмкости этой работы, резолюции, которые накладывал Бенкендорф по различным поводам, и сами методы ведения и разрешения дел могут существенно расширить наши представления о внутренней политике николаевского времени.

Своим подчинённым Бенкендорф твердил, что целью их «должно быть прежде всего предупреждение и отстранение всякого зла», а III отделение призвано служить «защитой для слабых и угнетённых» (с. 237). Легко было бы счесть это не более чем риторическим приёмом, но Бибилов показывает, что это

не было пустой декларацией – среди современников Александр Христофорович пользовался репутацией человека доброго и гуманного (с. 237–241). С большой теплотой вспоминал о нём в своих записках друг молодости и боевой товарищ декабрист С.Г. Волконский. Каким же образом и когда Бенкендорф превратился в воплощение бездушного жандарма? Автор книги даёт убедительный ответ на этот вопрос. Наиболее пристальными и последовательно жёсткими были цензура и надзор за образованной частью общества, особенно же за литераторами. Естественно, что именно в этих кругах фигура главы тайной полиции вызвала наибольшее раздражение. Впервые зловещий образ Бенкендорфа был создан в работах историков литературы (прежде всего – пушкинистов). При традиционном литературоцентризме русской и советской интеллигенции миф, родившийся под пером литературоведов, быстро укоренился. Между тем именно Александр Христофорович менее всего ему соответствовал. Обладая в целом взглядами, типичными для крупного сановника николаевской эпохи, он не только в молодости не был чужд либеральных идей, но и во главе жандармского ведомства не упускал случая напомнить императору о пагубности крепостного права. Да и в собственной личной жизни Александр Христофорович умел разительно меняться, превращаясь из светского повесы, славившегося своей рассеянностью (которая считалась семейным качеством Бенкендорфов) в толкового офицера и государственного деятеля, из знаменитого волокиты в примерного, верного мужа (привязанность его к жене пошатнулась лишь в последние годы жизни из-за новой сильной влюблённости).

О.В. Эдельман